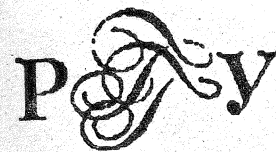

Российский
государственный гуманитарный
университет

**Каузальность
структуры рассуждений
в русском языке**

Москва 1993

Российский государственный гуманитарный университет

**Каузальность
и структуры рассуждений
в русском языке**

Междузювский сборник
научных трудов

Москва 1993

Каузальность и структуры рассуждений в русском языке: межвузовский сборник научных трудов/ Российский государственный гуманитарный университет. М., 1993. 64с.

Сборник представляет собой попытку охватить все основные направления того комплекса проблем, которые связаны с понятием "каузальность". Эти исследования будут интересны лингвистам самого широкого профиля, а также студентам кафедр теоретической и прикладной лингвистики.

Ответственные редакторы: профессор МГУ, доктор филологических наук
Всеволодова М.В.;
доцент, кандидат филологических наук
Латышева А.Н.

Рецензенты: старший научный сотрудник Аналитического центра РАН,
кандидат филологических наук Паршин П.Б.;
научный сотрудник Института языкознания РАН,
кандидат филологических наук Журицкий А.Н.

© Российский государственный
гуманитарный университет, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник составлен по материалам конференции, состоявшейся в 1990 году в Московском государственном историко-архивном институте (ныне Российский государственный гуманитарный университет). Каузальные (причинные) конструкции оказались естественной сферой приложения усилий для ученых, работающих в области логического анализа языка, синтаксической типологии, традиционной русистики, лингвистики текста и той лингвистической школы, которую принято называть "функциональной грамматикой".

В сборнике фактически представлены все современные направления лингвистических исследований того комплекса проблем, который связан с понятием "каузальность".

Сборник состоит из четырех разделов. Первые два раздела "Общие вопросы описания причинно-следственных отношений" и "Способы выражения причинно-следственных отношений" тесно связаны между собой: граница между ними весьма условна. Традиция изучения способов языкового оформления причинно-следственных отношений существует уже давно, но современные методы семантических исследований позволяют и здесь получить интересные результаты. Обратим внимание и на растущий интерес лингвистов к исследованию косвенных средств выражения каузальных отношений. В третьем разделе сборника "Каузальность и другие языковые категории" поле исследования резко расширяется: здесь предпринята попытка анализа внутренней структуры и особенностей выражения

выделенному ранее участку памяти или (б) сообщив адресату речи сведения о референте, без которых он не может быть локализован надлежащим образом: (а) *Старый сей монах не что иное был, как Дух переселенный* (А.С.Пушкин); *Гость был не другой кто, как наш почтенный Павел Иванович Чичиков* (Н.В.Гоголь); (б) *Твоя оскорбитель - волшебник страшный Черномор, красавиц давний похититель...* (А.С.Пушкин); *Что это за гусь такой? - Это наш знаменитый инжир Ефросимов* (М.А.Булгаков); *Это, изволите ли видеть, патефон* (М.А.Булгаков). Под подтип (б) маскируются высказывания типа *Это негодяя*, когда говорящий делает вид, что свойство, обозначаемое вторым компонентом, настолько важно для понимания сущности объекта, что, не зная его, правильно локализовать референт невозможно.

Таким образом, "неокаузальный" подход позволяет объяснить, почему, несмотря на все разнообразие высказываний идентификации, мы ощущаем единство этого класса и используем в разных типах высказываний идентификации одни и те же языковые средства.

В целом можно думать, что на языке "неокаузальной теории" многие утверждения теории референции могут получить простую и компактную формулировку, а ряд спорных вопросов - заслуживающее внимания решение.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Квазиавтонимными называются употребления ИС, адекватно толкуемые по типу "das so-und-so Genanntsein".

ЛИТЕРАТУРА

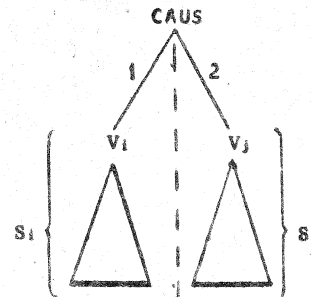
1. Звегинцев В.А. Статус имен собственных в языке и речи // В чест на академика В.Георгиев. Езиковедски проучвания. София, 1980.
2. Шмелев А.Д. Определенность - неопределенность в названиях лиц в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

О СИММЕТРИЧНОСТИ КАУЗАЛЬНОЙ СВЯЗИ *

Л.И.Куликов, Н.Р.Сумбатова

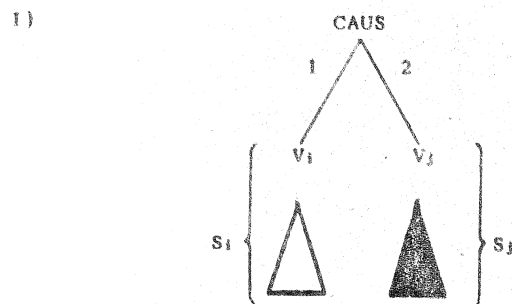
В соответствии со ставшим уже классическим определением [9, с.6], каузативной ситуацией (КС) называют сложную ситуацию, состоящую из двух (элементарных) ситуаций S_1 и S_2 , связанных отношением каузации - каузативной связкой CAUS, ср. схему (1) (V_1 и V_2 обозначены глаголы, являющиеся синтаксическими вершинами предложений, соответствующих S_1 и S_2):

(1)

Однако симметричность КС (относительно вертикальной оси) -

жающаяся. В предложениях, описывающих КС, фрагмент, соответствующий S_1 , часто редуцируется (ср.: *Из-за отъезда Васи мы переехали собрание* - S_1 "свернуто" в номинализацию). Чрезвычайно характерна ситуация, когда S_1 редуцировано почти до нуля и от всей предикации сохраняется лишь главный актанта - каузатор; это возможно в тех случаях, когда V_1 не конкретизировано (не существенно для говорящего и т.п.); ср.: *Петр заставил нас вернуться*. Ср. му (II) (редуцированная предикация не заштрихована):

Каузативная связка может быть выражена при этом либо отдельным глаголом (рус. *заставлять*, нем. *lassen*, фр. *faire*, англ. *ke*, *have* и т.д.), либо специальным показателем в составе глагола, являющегося дериватом V_2 - CAUS- V_2 , которому передается первый актанта глагола V_1 (каузатор). В первом случае принято говорить об аналитическом каузативе, во втором - о синтетическом орфологическом - см. определения в работе [10, с.25]).

Таким образом, о существовании в языке морфологических каузативов (и, соответственно, каузативных конструкций (КК)) можно говорить в том случае, если существуют синтаксические структуры, кие, что их семантическое представление может быть записано в виде (II), и выполняются следующие условия:

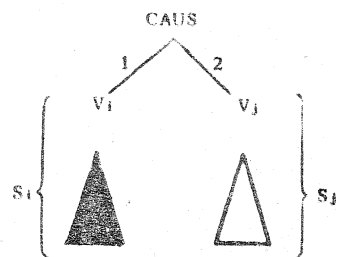
(1) значение V_1 не конкретизировано (и в результате соответствующая предикация свернута);

(2) глагол, являющийся синтаксической вершиной предложения, представляет собой дериват V_2 (CAUS- V_2), т.е. является каузативом к глаголу V_1 . (Ср. в связи с этим определения в работе [8, с.34]).

Таким образом, как явствует из схемы (II) и условий (1-2), при реализации структуры (I), соответствующей КС, в виде КК - а это, как известно, один из самых распространенных в языках мира способов выражения причинной (каузальной) связи между двумя событиями - симметричность КС (I) оказывается мнимой. Собственно, этот факт хорошо известен (его отмечает, например, Л. Талми, указывающий, что S_1 выступает в предложении, описывающем КС, в качестве основания, или фона (ground), а S_2 - в качестве первого плана (figure) - см. [21]) и вряд ли может вызвать удивление: причина и следствие, конечно же, не равноправны ни с формальной (это, очевидно, следует из несимметричности импликации), ни с "житейской" точки зрения. Грубо говоря, для человека следствие, как правило, важнее причины, что и обуславливает "дискриминацию" причины в языке (см. [9, с.7]).

Теоретически, однако, можно предположить, что в некоторых случаях будет возникать ситуация, зеркально симметричная (возможно, с незначительными оговорками) той, которая отражена на схеме (II) и описана в (1-2):

(III)

т.е. (3) значение V_j не конкретизировано; и

(4) глагол, являющийся синтаксической вершиной предложения, представляет собой дериват глагола V_1 (V_1 - CAUS).

Конструкции, удовлетворяющие условию (4), обнаруживаются, например, в языке андоке [18, с. 230] (семья тупи-гуарани, Южная Америка), где глагол V_1 может снабжаться специальным суффиксом $-k\acute{a}seha$, свидетельствующим о том, что второй глагол (синтаксическая вершина главного предложения) описывает ситуацию, являющуюся следствием S_1 ; ср.:

A-o-be- $k\acute{a}seha$ bA o-yi- i
-я-есть-CAUS я-болеть-

'я поел (V_1 - CAUS) и (в результате) я заболел (V_j)'.

Однако редукции S_2 (условие (3) здесь не наблюдается, т.е. говорить о полной симметричности по отношению к КК нельзя.

Ниче мы рассмотрим конструкции, почти безукоризненно отвечающие требованиям (3-4), обнаруженные в гораздо менее "экзотическом" языке - русском.

Рассмотрим глаголы, образующиеся по продуктивной словообразовательной модели: с помощью префикса до- и суффикса -ся (= с помощью циркумфикса до-...-ся): *работать - доработаться* (до им-фаркта), *подсказывать - доподсказываться* (до замечания учителя)

и т.д. Этот словообразовательный тип, особенно продуктивный в разговорной речи (где глаголы на до-...-ся образуются практически от любого глагола несовершенного вида, обозначающего соз-нательную деятельность), разумеется, отмечался в грамматиках русского языка и работах по словообразованию [7, с. 250]; [14, с. 386]; [5, с. 17-19]; [3, с. 145-146]; [15, с. 73] и другие работы; этой группе глаголов специально посвящена работа Л.И.Ройзен-зона [13], где содержится целый ряд тонких и интересных наблюдений [12, с. 37-38]; однако подробное лексикографическое описание этого класса глаголов было дано сравнительно недавно - в работе И.А. Мельчука [19]!. Конструкцию вида X до+ $Z_{пре}$ +ся до Y -а И.А. Мельчук толкует следующим образом (для упрощения мы не затрагиваем вопрос о разграничении пресуппозиции и асертции в составе толкования):

'Чрезмерно предаваясь деятельности Z ,

X подвергся Y -у, такому что Y плох для X -а'¹.

В составе этого толкования выделяются три компонента, существенные для данного исследования:

- (а) X совершает некоторое действие Z ($= V_1$);
- (б) совершение X -ом действия Z влечет некоторые последствия Y ($= V_j$), т.е. Z каузирует Y ;
- (в) Y ($= V_j$) часто не конкретизирован (NB: валентность, на-именную группу с предлогом до в большинстве случаев фа-культативна)², но, во всяком случае, известно, что Y плох для X -а.

Нетрудно заметить, что, если опустить вторую часть компонента 'Y плох для X-а', то компоненты (а-в) будут довольно точно соответ-ствовать условиям (3-4), т.е. конструкция X до+ Z +ся (с незаме-

женной до-валентностью) является почти безукоризненным "зеркальным отражением" КК, а глаголы типа *доработаться* можно считать "зеркальным отражением" каузативов.

Остается подобрать термин для обозначения этой глагольной категории. Если каузативом называют глагол CAUS-V₁, где V₁ соответствует следствию, имевшему некоторую (обычно не выраженную в поверхностной структуре) причину (causa), то глагол V₁ -CAUS, обозначающий причину некоторого - часто не выраженного - события, следствия, логично было бы назвать секвентативом (ср. лат. sequens "следующий")⁴.

При детальном анализе секвентативных конструкций (СК) выясняется, однако, что их параллелизм с КК далеко не полон. Так, уже упоминалось, что событие-причина (S₁) может оставаться совершенно неконкретизированным; с событием-следствием (S₂) в СК дело обстоит иначе: про него, по-видимому, почти всегда можно что-нибудь сказать - например, что S₂ (= Y в толковании И.А.Мельчука) плохо для главного участника S₁. Некоторые различия связаны и с собственно синтаксической структурой конструкций. Так, и КК, и СК образуются в результате объединения двух предиканий в одно предложение (clause union в терминологии реляционной грамматики). Однако, если при образовании КК от редуцируемой ситуации (S₁) остается, как правило, только ее главный участник - каузатор (соответствующая валентность передается новому глаголу - каузативу), а само действие V₁ выражается редко, то при образовании секвентативов главное действующее лицо ситуации S₁ (если оно отлично от агенса ситуации S₁, т. е. если S₁ есть некоторое сознательно осуществляемое кем-либо действие) чаще остается невыраженным (о возможностях его отражения в поверхност-

ной структуре см. ниже), зато V₁ легко может быть выражено номинализацией. Ср.: *Он рассказывал анекдоты и дорассказывался до ареста*. Все это свидетельствует о том, что и с семантической, и с синтаксической точек зрения степень "дискриминации" следствия в СК не достигает степени "дискриминации" причины в КК.

Замечание. Модель управления глаголов на до-...-ся довольно подробно описана И.А. Мельчуком (см. также [13, с.29-31]), однако, с нашей точки зрения, здесь уместны некоторые поправки. В частности, утверждение о том, что глагол до +Z+ся утрачивает все (кроме первой) валентности, имевшиеся у Z, представляется чересчур категоричным: эти валентности действительно замещаются хуже, чем при Z, однако в тех случаях, когда секвентатив подчиняет именную группу с предлогом до, эти валентности "восстанавливаются", ср.: *он дозанимался* - **он дозанимался математикой*; но гораздо более приемлемое (с нашей точки зрения) *он дозанимался математикой до обморока*. Таким образом, некоторые валентности, унаследованные от Z, по-видимому, все же возможны, хотя и являются неотделимыми [1, с.152] от валентности на именную группу с предлогом до.

Мы затронули лишь одну из проблем, связанных с лексикографическим описанием глаголов на до-...-ся; более подробный их анализ, равно как и рассмотрение других проблем, связанных с моделью управления (в особенности - с "судьбой" валентностей глагола Z), лексикализацией (ср. такие глаголы, как *допрыгаться*, *достукаться* и др.; см. [13, с.26, 31], где такие случаи квалифицируются как "полная метафоризация") и т.д., не входит в задачи данной работы.

Упомянем еще несколько конструкций, претендующих на то, чтобы квалифицироваться как секвентативные (некоторые из них приводятся И.А. Мельчуком в качестве перифраз конструкции $X \text{ до}+Z$ ся (до Y -а):

1а) $X \text{ у } W\text{-а } \text{до}+Z_{\text{буд.}} \text{ся до } Y\text{-а}$

(ср.: Он у Петрова дотренируется до травмы);

1б) $X \text{ у } W\text{-а } Z_{\text{буд.}}$

(ср.: Петр у этого начальника покурит в рабочее время = если Петр будет курить в рабочее время, этот начальник накажет его').

Фразовое ударение в конструкции 1б) обязательно падает на глагол, а все предложение характеризуется особой интонацией. Поскольку циркумфикс $\text{до} \dots \text{ся}$ не обязателен, можно утверждать, что показателем секвентатива является особая фразовая интонация (впрочем, в конструкциях типа 1б) предпочтительны все же глаголы с префиксом по-).

2) $W \text{ X-у } Z_{\text{буд.}}$ - перифраза к 1б)

(ср.: Он Петру покурит в рабочее время).

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в конструкциях 1б) и 2) может быть выражен партиципant, являющийся главным действующим лицом в S_1 - именной группой с предлогом у - в (1), и подлежащим - в (2) - его можно было бы назвать эксекутором, так как S_1 во всех случаях нежелательно для X -а.

3) $A \text{ за}+Z \text{ X-а}$ (до Y -а)

(ср.: Он загонял лошадь (до смерти)).

Этот словообразовательный тип ([14, с.360; 4, с.56-57]; а из последних работ [17, с.103-112]) также продуктивен (особенно в разговорной речи) и также сообщает об отрицательных последствиях

(Y), наступивших в результате совершения действия Z по отношению к X -у; однако, в отличие от W в (1-2), A не играет роли эксекутора в ситуации S_1 .

Детальный анализ различных типов секвентативных глаголов не входит в задачи данной работы; тем не менее, можно наметить основные контуры классификации секвентативов по степени конкретизации Y -а (следствия) и по характеру оценки Y -а говорящим. В частности, глаголы на $\text{до} \dots \text{ся}$ можно было бы назвать налесеквентативами (они несут информацию о том, что Y плох для X -а); глаголы с префиксом за- сообщают, как правило, о том, что Y = выведению X -а из строя (ср.: замучить, задушить, задвинуть и т.п.).

В заключение отметим, что русский язык, вероятно, не уникален: анализ различных способов описания каузативной ситуации может способствовать обнаружению секвентативов в других языках мира² и, таким образом, служить основой для построения типологии секвентативных конструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Авторы выражают признательность Г.Е.Крейдлину, М.А.Кронгаузу А.Л.Мальчукову, И.В.Недялкову, Е.В.Падучевой, В.И. Подлесской, Е.В.Рахилиной, М.В.Филипенко, И.А.Шаронову и А.Д.Шмелеву, принявшим участие в обсуждении данной работы и сделавшим ряд ценных замечаний.

1. Ср. также менее подробное описание этой группы глаголов в [20, с.24-25]; из последних работ см. монографию [17, с.181-188], где основное внимание уделяется описанию семанти-

ки префикса *до-*.

2. Мы не касаемся также вопроса об оценочных значениях, связанных с этой конструкцией: употребляя конструкцию *X до+Z+ся* (*до Y-a*), говорящий, как правило, выражает свое отрицательное (неодобрительное) отношение к совершению действия *Z Y-ом*.
3. Эта валентность факультативна у всех глаголов на *до-...-ся* за вычетом имперфективов (см. [19]; [20, с.25]).
4. Используемое в классической латини для обозначения следствия существительное *consecutio* (ор. *causae et consecutiones* "причины и следствия") представляется не вполне подходящим: термин "консекутив" может вызвать нежелательные ассоциации с такими терминами, как *consecutio temporum* и т.п.; кроме того, он уже "занят" в типологии: консекутивами называют глаголы, образующие конструкции, сходные с сериальными; ср. следующий пример из африканского языка фефе [16, с.31]:
a ká sá', p-zá wúzá
 он PAST прийти &-есть пища
 'он пришел и [в результате] он поел'
 (консекутивный глагол подчеркнут; показатель консекутива глоссирован знаком конъюнкции).
5. В частности, аналоги русских секвентативов на *до-...-ся* представлены также в украинском [6, с.47] и белорусском [2, с.12-13] языках - хотя, по-видимому, отсутствуют в большинстве других славянских языков (чешском, словацком, болгарском и др.); см. [11, с.32-33]. Вообще вероятность обнаружения секвентативов, по-видимому, особенно высока для языков с богатой системой совершаемостей (типа русского).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Вилюга Н.С. Словообразование глаголов при помощи приставок, выражающих значение "полноты действия", в белорусском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Минск, 1967.
3. Головин Б.Н. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов. В кн: Славянское языкознание. М., 1959.
4. Головин Б.Н. Словообразовательные типы глаголов с приставкой *за-* // Уч. зап. Горьковского гос. университета. Серия лингвистическая. В. 68. Горький, 1964.
5. Знаменская А.В. Префиксально-суффиксальное образование возвратных глаголов. // Уч. зап. Борисоглебского гос. пед. института. Вып. V. Борисоглебск, 1958.
6. Ільїн В.С. Префікси в сучасній українській мові. Київ, 1961.
7. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. II. Братислава, 1960.
8. Киорик А.Е., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Каузативная конструкция в табасаранском языке. В кн.: Табасаранские этюды. М., 1982.
9. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций. В кн.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
10. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологических и лексических каузативов. Там же.
11. Пушкар М.А. Функції дієслівного префікса *до-* у чеській мові. // Питання слов'янського мовознавства. Кн. 9. Львів, 1963.

12. Ройзензон Л.И. Заметки о возвратных глаголах с приставкой до- в русском языке. // Краткие сообщения Узбекского гос. университета. Кафедра русского языкознания. Самарканд, 1959.
13. Ройзензон Л.И. Стилистические наблюдения над возвратными глаголами с приставкой до- в современном русском языке. - Там же.
14. Русская грамматика. Т.1. М., 1980.
15. Bogusławski A. Prefiksacja czasownikowa we współczesnym języku rosyjskim. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1963.
16. Hyman L.M. Consecutivization in Fe'fe?. // Journal of African languages, 1971. Vol.10. No.2.
17. Janda L.A. A semantic analysis of the Russian verbal prefixes za-, pere-, do- and ot-. München, 1986.
18. Landaburu J. La langue des Andôke (Amazonie colombienne). Grammaire. Paris, 1979.
19. Mel'čuk I.A. Un affixe derivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne: Essai de description formelle.// Revue des études slaves. 1987. T.59. N 3.
20. Rudolfová L. Lexikálně sémantická charakteristika ruských reflexivních sloves s předponou do-. // Československá rusistika. 1973. Ročn. XVIII. N 1.
21. Talmy L. Semantic causative types.// Syntax and Semantics. Vol. 6. The Grammar of Causative Costructions. N.-Y., 1976.